

В. П. Раков

Ивановский государственный университет

ИНТЕЛЛИГЕНТСКИЙ ДИСКУРС И ЕГО КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОПОРЫ

1. Годом раньше автор этих строк был удостоен любопытствующего внимания со стороны ныне собравшихся здесь коллег. Слушателям был представлен текст сообщения на тему: «Историологическая специфика русской культуры». Речь шла о словоцентричности духовной жизни нации с методологическим выдвиганием таких дефиниций, как миф, Логос и энтелехия. Теперь пришло время развить эти и иные положения доклада, имея в виду углубление и расширение их смысловых границ.

2. Собственно говоря, мы назвали опорные слова интеллигентского дискурса, взятого в его макроисторическом измерении. Как античность, так и последующие времена запечатлеваются в системе культурной мифологии, ее логосного света и национальной Психеи. Но этот процесс имеет одну из важных особенностей, мимо которой не пройдет ни один ответственно мыслящий исследователь. Мы говорим о факторе, обладающем каузальной значимостью при построении типологической классификации культуры и, следовательно, ее дискурсов.

3. Прежде чем обозначить этот фактор, укажем на более чем досадный парадокс, воздействие которого не преодолено до сих пор: не только непосредственно история культуры как научная дисциплина, но и отдельные отрасли гуманитарного знания пренебрегают изучением религии как неотрывной от них «архитектонической формы» (*М. М. Бахтин*). Реальность же состоит в том, что последняя – открыто или имплицитно – присутствует в самой интенциональности духовной жизни «как говорящем и выразительном бытии» (*он же*). Вот с этого-то и надо начинать размышления о культуре в ее сущностно-смысловой и сенсорной целостности. Что тут предстает в виде исходного пункта? Для нас, русских, – то, что христианство является религией

Книги, Библии. Однако как только возник Новый Завет, ветхозаветная традиция закончилась, что совсем не означает богооставленности «христиан до Христа»: ведь греческая культура, начавшаяся текстами Гомера, для нас продолжается, оставляя нам право что-то пересмотреть и от чего-то отказаться (*Ю. Шичалин*).

4. Сделаем еще один шаг к пониманию нашей темы и скажем, что продвижение вперед мы связываем с конкретизацией тезиса о Книге как основе культуры. Что это значит? Не что иное, как переключение внимания на ее источник и инструмент реализации, именно на Слово. Ведь, согласно Апостолу, в начале было Слово, и Оно было Богом. Однако вы можете сказать, что и у Гераклита в основе всего, в частности космоса, залегает Логос. Именно так. Но надо знать и другое.

Какой бы разносторонней ни была трактовка Логоса Гераклитом, она все же не утрачивает своей чревно-земной специфики и потому, например, философу свойственно убеждение, что «Логос можно вдыхать ртом», а вот «как совмещается божество и мир, смысл и бытие <...> разум и неразумное, объективное и субъективное», таких вопросов для Гераклита не существует (*А. Ф. Лосев*). Его мышление еще не находит реакций, которые можно было бы назвать гносеологичными, а в отношении человеческой персоны – личностными.

5. Логос, о котором говорится у Иоанна Богослова, – универсален, но он же – и интимно-индивидуален, причем настолько, что не боится отойти от своей «книжности», превратившись в живой голос устной проповеди (*С. С. Аверинцев*).

6. Сказанное имеет свои следствия, о чем надо заявить, не страшась возможных упреков в излишней резкости и самонадеянности суждений. Никто не ломится в открытую дверь, но нам хотелось бы утвердиться в той истине, что перед лицом Нового Завета как историко-культурного феномена должна корректироваться идея К. Ясперса об «осевом времени». Оно – не единственно, но исторически множественно. Л. Н. Гумилев, этот «последний евразиец», как

он себя называл, оспаривал концепцию немецкого философа, указывая на упразднение ею «разнообразия как принципа». Монотонность и отсутствие *чуда* в истории – картина, далекая от реалистического восприятия антропологической и социальной эволюции.

7. Надо ли говорить о том, что типы культур, вызванные историческим своеобразием «осевого времени», не исчезают в прошлом. Духовная жизнь человечества жаждет единства и хранит его в памяти поколений. Минотавр здесь не властен. Поэтому в ментальности народа почти всегда обнаруживается топика не только «последних времен», но и их истоков. Литература и искусство, а также стиль национального поведения несут в себе следы «ночной» и «дневной» культур (*Г. В. Флоровский*). В убранстве храмов европейских христиан столько же признаков языческой образности, сколько мы находим ее в контексте знаменитого «двоеверия» русских, что представляется большой ценностью, сдобривающей «симфонизм» человеческого духа. Столь популярная ныне мифопоэтика доказала это более чем убедительно.

8. В современной социокультурной ситуации необходимо напомнить о катастрофически развивающемся процессе обмирщения культуры, что заставляло, например, Р. Генона сокрушаться и скорбно писать о нисходящем цикле, в который вступило человечество. Священное уступает место мирскому (*М. Элиаде*), и это грозит духовной опустошенностью бытия. Однако в последнее время происходит осознание некоторыми мыслителями насущной необходимости во взаимодополняющем процессе обучения (*Ю. Хабермас*), результатом чего должно стать вскрытие в рутинной секулярности – священного. Сейчас пришло и понимание того, что идея всемирного этоса является абстракцией, которую следует обогатить философией «полифонической корреляции», куда могут быть вовлечены культуры с разными типами рациональности (*Й. Ратцингер*). Ну, что ж, размашистая масштабность деклараций, столь свойственная романтизированному утопизму, сменяется более трезвым взглядом, пусть и не лишенным печали. С

предложенным проектом трудно не согласиться (*Г. Гутнер*). Невольно вспоминается К. Н. Леонтьев, писавший о «цветущей сложности» культур.

9. Понятно, что наши экскурсии в дальний и ближний контексты биографии человеческого духа преследуют определенную цель: показать их логическую и проблемную связность. И если мы воспринимаем историческую процессность как некий делящийся текст, то эпохально-смысловые его отрезки находят свое выражение в густотно-насыщенных именах. В упомянутом докладе мы указали, что число таких может быть фиксированным, как это демонстрирует В. Н. Тростников, но может и проявлять тенденцию к количественному возрастанию (*В. П. Океанский*) – в зависимости от того, исследует ли автор свой предмет в строго очерченных границах или актуализирует его смысловое содержание и для иного исторического времени. Однако в любом случае дискурс трактуется нами как символическая форма (*Э. Кассирер*) с никогда не угасающими семантическими энергиями. Поэтому ему присущи такие онтологические качества, которые обосновывают его будущее за пределами места происхождения, то есть непосредственного исторического и социокультурного контекста (*А. И. Негров*). К сожалению, приходится констатировать, что среди гуманитарных исследований нередко встречаются статьи и книги, безнадежно устаревшие еще на стадии своего рукописного существования и не дошедшие до печатного станка. Их авторы муссируют идеи, ставшие анахронизмом, высокомерно игнорируют новую языковую (терминологическую) систему и всячески избегают освоения дотоле небывалых методологических стратегий.

10. Интеллигентский дискурс по своей природе укоренен в культурологической сфере, причем, взятой в ее безначально/бесконечной открытости. Это означает не что иное, как доступность рациональному познанию не только эпох «цивилизационных», но и таких, которые относятся к типу докультурных, не обладающих письменностью и строго очерченными, конвенциональными нормами человеческого поведения. Это – область того, что

располагается в пространстве мифа, иногда, к счастью, с задатками некоего смысла (*А. Ф. Лосев*).

11. В свое время мы много писали об интеллигентском сознании, подчеркивая его причастность стихии мифа, где хтоническое содержание и экстатика – не редкость. Эта тема нуждается в дальнейшем исследовании. Каждому ученому уготована своя судьба, но важно помнить, что его дискурсивные штудии призваны нести логосный свет и гармонию, находя поддержку со стороны «вечных идей и образов», на которых возведена человеческая культура.

Интеллигенция в процессах преобразования мира: исторические вызовы, социальные проекты и свершения. Мат-лы XVIII Междунар. науч.-теор. конфер. Иваново, 2007.